

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2150](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150)

Е. А. Варшавер

В ЛОВУШКЕ ДВОЙНОЙ ИРРЕЛЕВАНТНОСТИ: (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЧИКАМИ И ПЕРЕПИСЫВАЕМЫМИ В ХОДЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 2021 г. В ДАГЕСТАНЕ

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 199—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>.

For citation:

Varshaver E. A. (2022) Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 199–221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>. (In Russ.)

В ЛОВУШКЕ ДВОЙНОЙ ИРРЕЛЕВАНТНОСТИ: (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ МЕЖДУ ПЕРЕПИСЧИКАМИ И ПЕРЕПИСЫВАЕМЫМИ В ХОДЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ 2021 Г. В ДАГЕСТАНЕ

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Аннотация. В статье приводятся результаты антропологического исследования Всероссийской переписи населения 2021 г. в Дагестане, фокусом которого было (вос)производство этничности в ходе взаимодействий между переписчиками и переписываемыми. Основной метод исследования — наблюдение, кроме того, были проинтервьюированы участники переписи. Указанные взаимодействия исследованы в 73 домохозяйствах в пяти локациях в радиусе 100 километров от Махачкалы.

Согласно результатам исследования, смысл переписи не был понятен большинству ее участников, в результате чего конкретные переписные процедуры различались от локации к локации, в том числе существенно расходясь с инструкциями, а значительная часть информации вносилась в переписные листы согласно фоновому знанию переписчиков о локации. В этом контексте заполнялись и «этнические» вопросы. Переписчиков раздражали «одинако-

TRAPPED IN DOUBLE-IRRELEVANCY: (RE)-PRODUCTION OF ETHNICITY IN INTERACTIONS BETWEEN CENSUS-TAKERS AND THEIR RESPONDENTS BASED ON RESULTS OF OBSERVATIONS DURING 2021 ALL-RUSSIAN CENSUS IN DAGESTAN

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of an anthropological study of the Russian 2021 census in Dagestan. The study focuses on (re-) constructing ethnicity in interactions between census-takers and their respondents. The primary research method was observation. Besides, a series of interviews with different census participants was held. Altogether the interactions were studied in 73 households in five locations within a 100-km radius from Makhachkala. According to the study results, the sense of census was unclear for most of the census participants.

The exact census procedures were different from location to location. Moreover, they seriously deviated from the official instructions, and a substantial share of information has been filled in based on census-takers background knowledge of the location. It was the context of interactions which regarded “ethnic” questions. The census-takers were bothered with the number of “same questions,” which

вые», на их взгляд, вопросы: о языке владения помимо русского, о родном языке и о национальности. Для них такие подробности контрастировали с неважностью темы этничности. Значительная часть ответов на эти вопросы заполнялась исходя из фонового знания или на основании одного вопроса про домохозяйство. Вносимая информация, однако, подчинялась четкому классификаторному правилу: национальность передается исключительно по отцу, а родной язык — это язык национальности вне зависимости от фактического его знания. Импликации этих результатов для современных конструктивистских теорий этничности приводятся в разделе «Дискуссия».

Ключевые слова: этничность, перепись, Дагестан, антропология опросов

Благодарность. Статья написана на основании научно-исследовательской работы в рамках государственного задания РАНХиГС на 2022 г.

Введение

Долгое время перепись считалась наиболее надежным «поставщиком» знания о различных характеристиках современных обществ¹. В последние десятилетия, однако, этот взгляд — под влиянием разных, прежде всего социологических, традиций, — был пересмотрен, и перепись стала рассматриваться как способ воображения государствами объекта управления [Anderson, 2006], а также признаваться в большей степени ареной политической борьбы, нежели объективным инструментом отображения реальности [Kertzer, Arel, 2001; Tishkov, 2005]. Последний тезис базируется, среди прочего, на методологическом соображении, согласно которому данные — это прежде всего функция от инструмента, и получаемая информация всегда оказывается своего рода компромиссом между реальностью и обобщенной концепцией государства относительно «своего» населения, операционализированной посредством переписных процедур. В этой связи важно,

were the questions about the known language, the native language and the “natsionalnost” (nationality). It was even more strange for them in contrast with the unimportance of “ethnic” matter, as they considered it. As a result, most “ethnic” questions were filled in based on background knowledge or the answer to only one question per household. This information, however, stuck to a very clear rule, according to which “natsionalnost” of a person is the same as his father’s “natsionalnost” and never mother’s. At the same time, the native language is the language of “natsionalnost” notwithstanding a person’s actual knowledge of this language. In conclusion, we discuss the implications of these findings for contemporary constructivist theories of ethnicity.

Keywords: ethnicity, census, Dagestan, anthropology of surveys

Acknowledgments. The article is based on research within the framework of the RANEPА state task for 2022.

¹ The Editors of Encyclopaedia Britannica. (2018) Census. *Britannica*. 12 July. URL: <https://www.britannica.com/science/census> (дата обращения: 24.12.2021).

какие выделяются классификационные категории и как этим категориям атрибутируются люди и события на этапах сбора, анализа и публикации данных.

При таком подходе особая роль отводится категориям, призванным описать этническое разнообразие. Это связано с особым онтологическим и эпистемологическим статусом этничности *per se*, которая, как следует из установившегося конструктивистского консенсуса [Wimmer, 2013], считается высококонтекстным явлением и, почти универсально регулируя отношения между людьми, делает это всякий раз посредством разного набора исторически сложившихся категорий. Более того, очевидно, что именно перепись выступает одним из главных инструментов создания этнического контекста, то есть конструирования этнических категорий и последующего включения их в управленческую рамку, в результате чего этническая реальность «оживает» за счет габитуализации этих категорий теми, кто оказался описанным посредством них [Cohn, 1984; Hirsch, 2005].

Указав на важность переписи в конструировании этничности, исследователи, однако (за редким исключением [Valentine, Valentine, 1971; Филиппова, Арель, Гусеф, 2003; Terry et al., 2017]) не сделали напрашивающегося шага вперед и не обратили внимание на непосредственные взаимодействия, которые, будучи масштабированными за счет машинерии переписи, и являются фактическим источником последующих классификаций. Существует влиятельная традиция, в рамках которой в фокусе антропологических исследований оказались процедуры опросов [Houtkoop-Steenstra, 2000] и было показано, что существует значительный зазор между взаимодействиями в ходе формализованных интервью и их кодификацией. Станным образом, однако, перепись — один из ключевых источников социетальных данных — в фокус таких исследований не попала.

В ходе коллективного антропологического проекта, осуществленного в ходе переписи 2021 г. в России в одном из наиболее этнически разнообразных регионов — Дагестане, мы попытались заполнить эту лакуну и выяснить, как в ходе взаимодействия переписчиков с переписываемыми конструируется этническое разнообразие. Ключевым исследовательским методом в рамках проекта было наблюдение. Исследование базировалось на следующих вопросах:

— Соблюдаются ли процедуры исследования или этническая принадлежность разными способами вменяется переписываемым?

— Как понимают «этнические вопросы» переписчики и переписываемые, какие вопросы переписи первые и вторые относят к таковым?

— Происходят ли коммуникативные сбои и «классификаторные войны», и если да — как они устроены?

Эти вопросы, однако, носили рамочный характер, и главная задача наблюдателей состояла в том, чтобы обнаруживать и фиксировать все, что в процедуре переписи кажется необычным и отличается от официальных процедур². Такая установка позволяла не держаться за предзаданные теоретические рамки, обратить внимание на взаимодействие как таковое и, описав его и проанализировав, дать наиболее полный ответ на вопрос о том, как в ходе переписи конструируется

² Перепись населения 2020—2021 в России // Всероссийская перепись населения. URL: <https://perepis2020.ru/> (дата обращения: 24.12.2021).

этничность. В статье приведены основные результаты проекта, а также приведены обобщения теоретического характера.

Обзор литературы

Ученые обратили внимание на перепись и, шире, популяционную статистику как к один из важных элементов конструирования этничности в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Изначальный импульс такого рода исследованиям был задан в работах, посвященных колониальным империям и их способам учета и классификации населения, в частности, в книге Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» [Anderson, 2006], где именно перепись, наряду с музеем и картой, провозглашалась одним из главных инструментов воображения населения и его компонентов. Этот импульс поддерживает А. Аппадурай [Appadurai, 1993: 318]: в небольшой статье, посвященной системам классификации в Индии, он показывает, как британская «озабоченность» подсчетом и категоризацией по сути создала кастовую систему, которая стала основой для мобилизации, политической идентичности и электоральных войн [Cohn, 1984]. Параллельно появились подробные исследования расовых классификаций в американских переписях разных лет [Choldin, 1986; Lee, 1993], в частности, в сборнике статей У. Алонсо и П. Старра, посвященном связи между переписью и политикой [Alonso, Starr, 1987], У. Петерсен [Petersen, 1987] проанализировал переписные категории как отражение общественной концепции разнообразия.

В конце 1980-х годов роль переписи в конструировании этничности была изучена на страновых случаях [Hirschman, 1987; Urla, 1993; White, Badets, Renaud, 1993]. Это позволило в 2001 г. появиться сборнику статей под редакцией Д. Керцера и Д. Ареля [Kertzer, Arel, 2001], который стал одной из первых попыток сопоставления случаев и создания генерализующего нарратива о связи между переписью и этничностью. Авторы сформулировали ставший классическим тезис, согласно которому перепись не только и не столько отражает социальную реальность в ее этническом аспекте, сколько конструирует ее [ibid.: 2], а их вводная статья до определенного момента была наиболее масштабным полотном, описывающим использование этнических категорий в переписях разных стран. Эту работу во многом продолжил сборник статей под редакцией П. Симона и коллег [Simon, Piché, Gagnon, 2015], в котором наиболее важным продвижением стала серия статей по результатам количественного анализа этнических классификаций переписей разных стран. В них было показано, что вопросы про широко понимаемую этничность встречаются в переписях в 63 % случаев [Morning, 2015], и что наличие этого вопроса связано с разнообразием факторов, среди которых наличие в стране «индигенных» меньшинств или участие страны в международных инициативах по искоренению расизма [Kukutai, Thompson, 2015].

Важную идею, продвинувшую описываемую область, выдвинули Ж. Л. Раллу и соавторы [Rallu, Piché, Simon, 2006]. Задавшись вопросом об общем смысле включения этнических категорий в перепись, они пришли к выводу, что наряду с указанием на существование тех или иных «групп» такое включение подразумевает активацию имплицитной интерпретативной рамки, объясняющей разнообразные явления посредством апелляции к этническим различиям. Авторы предложили

эвристическую модель, согласно которой государства могут «считать, чтобы доминировать», «не считать, чтобы объединять и ассимилировать», «считать или не считать во имя мультикультурализма», а также «считать для искоренения дискриминации» [ibid.: 536]. Эта же классификация — немного в ином виде — применена во введении к упомянутому сборнику 2015 г. [Simon, Piché, Gagnon, 2015: 3].

Отдельный интерес исследователи проявили к процессам на территории СССР. Появились работы, посвященные как складыванию «советских национальностей», институционализированных в первых советских переписях [Blum, Gousseff, 1997; Hirsch, 2005], так и постсоветскому их бытованию [Abramson, 2001; Ferrando, 2008]. Этот интерес разделяют и отечественные исследователи. Так, в книге «Реквием по этносу» В. Тишков [Тишков, 2003], подробно описывает политические коллизии, связанные с включением «этнических» вопросов в первую постсоветскую перепись 2002 г., а также — в другой работе, написанной в соавторстве с Э. Кисриевым [Тишков, Кисриев, 2007], — рассказывает, как принимались соответствующие решения относительно Дагестана.

Параллельно складыванию этой исследовательской области в методологии социологических исследований зародилось направление, указывающее на то, что любое исследовательское интервью — количественное или качественное — это прежде всего разговор, и социальные факты, постулируемые в качестве результатов социологического исследования, по сути создаются в ходе таких разговоров. Обращаясь к влиятельной традиции анализа разговора [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1978], исследователи этого направления обратили внимание на процедуры количественных исследований [Houtcoop-Steenstra, 2000; Schaeffer, 2021], утверждая, что методология формализованных интервью стоит на неверном представлении о том, что интервью — это «роботизированный» обмен вопросами и ответами, и указывая на необходимость детального изучения того, как происходит взаимодействие между интервьюером и информантом. Общий вывод этого подхода состоит в том, что значительная часть результатов взаимодействий, которые затем переводятся в цифры, это функция не от смысла разговора, а от коммуникативной структуры взаимодействия. Некоторые адепты этой традиции, впрочем, не ограничиваются вниманием к разговору и указывают на то, что, хотя анализ фокусируется преимущественно на разговоре, объектом исследования выступает прежде всего «повседневный здравый смысл участников опросной коммуникации» [Рогозин и др., 2016: 18], который в разговоре проявляется, но разговором не исчерпывается, а значит, конверс-аналитические техники являются лишь одним из инструментов для его экспликации наряду с разнообразием других этнографических методов.

Две упомянутые традиции почти не пересекаются, и процедуру переписи до сих пор крайне редко исследуют этнографическими методами. Такое положение дел обусловлено, вероятно, несколькими факторами, среди которых конфиденциальность переписных данных, ограниченность переписи во времени, дисциплинарная дистанция между этнографами и демографами, обычно ответственными за проведение переписи с академической стороны, а также институциональная незаинтересованность последних в рефлексии над данными. Единственной национальной переписью, этнографическое исследование которой происходит относи-

тельно регулярно начиная с 1970-х годов [Valentine, Valentine, 1971], считается перепись в США, однако фокусом таких работ выступает недопредставленность тех или иных групп — коренных американцев [Schwede, 2008], мигрантов [Romero, De la Puente, 1992], чернокожих [Darden, Jones, Price, 1991] и др. — в переписи, а также причины этой недопредставленности [Terry et al., 2017]. Таким образом, этничность рассматривается исключительно через рамку «видимости» тех или иных «меньшинств» государственной статистикой. Возможно, единственной работой, сделавшей заход на этнографическое исследование конструирования этничности в ходе переписных взаимодействий, стал зонтичный проект Института этнологии и антропологии РАН [Филиппова, Арель, Гусеф, 2003]. Авторы проекта планировали изучить российскую перепись 2002 г. в разных регионах методом наблюдения (в том числе включенного). Обратившись в региональные органы статистики, организаторы исследования столкнулись с противодействием, и непосредственное наблюдение за переписными процедурами оказалось невозможным. В свете этого эссе, включенные в сборник, изданный по результатам проекта, сконцентрированы прежде всего на общих региональных контекстах переписи, и в работах лишь время от времени приводятся данные, полученные от антропологов, участвовавших в переписи в качестве переписчиков, или собранные в ходе постфактум интервьюирования переписчиков.

Таким образом, исследований, находящихся в конструктивистской стезе и — на основании тех или иных антропологических методов — фокусирующихся на взаимодействии между переписчиком и переписываемым с целью изучения повседневности конструирования этничности в ходе переписи, насколько нам известно, ранее не проводилось.

Методология исследования

Исходя из указанной лакуны выбирался основной подход и создавался исследовательский дизайн. Ориентируясь на общие конструктивистские соображения, в исследовательский фокус мы поместили элементарные взаимодействия между переписчиком и переписываемым, и основным методом их исследования стало наблюдение. Помимо этого, для того чтобы иметь возможность объяснить, почему эти взаимодействия организованы тем или иным образом (для чего необходимо было изучить смысл коммуникации, каким он представляется разным участникам взаимодействий), в качестве дополнительного метода было использовано полуструктурированное интервью.

Исследование осуществлялось автором статьи и четырьмя студентами, имеющими необходимую теоретическую и методологическую подготовку³. Было определено несколько полевых локаций в радиусе 100 км от Махачкалы, которые различались степенью урбанизированности территории, а также этническим составом населения, как это следует из переписи 2010 г. По соображениям конфиденциальности исследованные локации не раскрываются.

Полевая работа была устроена следующим образом. Сначала на основании предварительной договоренности проходила встреча с организаторами переписи,

³ За участие в сборе данных автор статьи благодарит А. Дроздову, А. Кунину, А. Малиновского и В. Назарова.

контролерами и переписчиками в здании администрации. В ходе этой встречи им сообщалась прагматика исследования и описывались его процедуры, затем проводилась неформальная фокус-группа, в ходе которой обсуждалась специфика переписи применительно к этой локации (доля переписанных домохозяйств, характеристики взаимодействия с переписываемыми и проч.), затем переписчики объединялись с исследователями в пары (в общем случае — один переписчик и один исследователь, однако это соблюдалось не всегда) и обходили домохозяйства сообразно тому, как переписчики делали бы это без исследователей. При входе в домохозяйство переписываемым сообщалось, что рядом с переписчиком находится наблюдатель, цель которого состоит в том, чтобы узнать особенности переписи в Дагестане, и запрашивалось устное разрешение о его присутствии в ходе переписи. Всякий раз разрешение было получено. Для обеспечения конфиденциальности данных на протяжении всего исследования мы не пользовались диктофонами, фиксируя детали взаимодействий (в том числе диалоги между переписчиком и переписываемым) и контекста от руки. Данные, на основании которых можно было бы идентифицировать переписываемых, не фиксировались⁴. Между визитами в домохозяйство — в ходе неформальной беседы — у переписчиков уточнялось, почему взаимодействия были устроены таким или иным образом, а также обсуждалось их отношение к переписи и ее «этническим» вопросам. По результатам рабочего дня каждый наблюдатель писал дневник.

Всего было исследовано пять локаций, совокупное число состоявшихся визитов в домохозяйства составило 73. Данные фиксировались в виде полевых заметок, после каждого полевого дня они переносились в полевые дневники. Всего было написано 27 полевых дневников. По результатам каждого дня осуществлялся коллективный анализ характеристик переписи в соответствующей локации. Следует отметить два главных ограничения методологии исследования. Первое состоит в том, что контакты с руководителями переписи на местах устанавливались по уже существовавшим у исследователей неформальным каналам. Поэтому, несмотря на присутствие в отобранных населенных пунктах представителей всех национальностей, локации тем не менее оказались существенно смещены «в сторону» присутствия представителей одной из дагестанских национальностей. Одновременно с этим населенные пункты, в которых на протяжении последних десятилетий происходили «классификационные войны» и которые были бы важным объектом для наблюдения в рамках исследования конструирования этничности в переписных взаимодействиях, в исследование, напротив, не вошли. Отобранные локации, таким образом, не претендуют на репрезентацию Дагестана в целом, а экстраполяция выводов на республику всякий раз должна обсуждаться и рефлексироваться отдельно. Второе ограничение является общим для исследований, использующих метод наблюдения. Внешние наблюдатели, не дагестанцы, представленные в качестве «преподавателя вуза» или «студентов», так или иначе становились контекстным фактором взаимодействий. При этом если для переписываемых вся ситуация переписи была необычной, для переписчиков, являющихся веду-

⁴ Тем самым удовлетворялись требования федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция) в части обеспечения конфиденциальности данных.

щими в паре с переписываемыми и не до конца понимавших цели, преследуемые исследователями, присутствие последних могло существенно модифицировать их обычное поведение. Таким образом, сложно замерить смещения, которые имели место относительно обычной процедуры переписи. Однако такие смещения становились объектом для регулярной специальной методологической рефлексии, и выводы были сделаны с учетом ее результатов. Ниже приводятся результаты исследования: сначала касающиеся хода переписи в целом, затем — «этнических» вопросов, сопровождающиеся цитатами и выдержками из полевых дневников.

Результаты исследования

(Бес)смысл(енность), фоновое знание и дополнительный Мурад Магомедов

Способ задавать «этнические» вопросы и отвечать на них — во многом функция от общего контекста переписи, а точнее того, как перепись воспринимается ее участниками. Более того, в той мере, в какой перепись оказывается одним из ключевых институтов воспроизводства этничности, этот контекст может оказывать неожиданно большое влияние на процесс и результат конструирования этничности в регионе. В связи с этим значительное внимание было уделено переписным процедурам в целом, и ниже представлены некоторые результаты наблюдений за ними.

Важно отметить, что смысл переписи ускользал от большинства ее участников — переписываемых, переписчиков, контролеров и руководителей администраций, через которые осуществлялась перепись. Переписываемые регулярно спрашивали, зачем нужна перепись⁵. Переписчики в таких случаях обычно отвечали, что перепись нужна власти для улучшения жизни — «Говорить надо, что для улучшения жилищных условий»; «Государство считает своих граждан. Хотят знать, чем они дышат, чем пропитаются», — однако в частных разговорах признавались, что это мантра, используемая для того, чтобы интервью состоялось, при этом сами они также не понимают, как эти данные будут использоваться. Иногда, однако, это непонимание не удавалось спрятать от переписываемых, и происходили такие диалоги:

Переписываемый: Сейчас так много информации собирают, зачем?!

Переписчик: Не знаю, но надеюсь, что все это к лучшему...

Нередко звучало сомнение — как от переписчиков, так и от переписываемых — в осмысленности переписи в свете цифровизации государства, поскольку «государство все о нас и так знает». В администрациях же, вероятно в силу отсутствия необходимости регулярно объяснять переписываемым, зачем нужна перепись, в меньшей степени рефлексировали над смыслом переписи, зачастую воспринимая ее как вмененную рутину.

Как возможное следствие этого, практики переписи на местах существенно варьировались в том, что касается детальности следования стандартным про-

⁵ Такие вопросы зачастую возникали на чувствительных моментах переписи. Таковыми странным образом оказались прежде всего вопросы про жилье, при этом чувствительными они были и для переписчиков. В частности, одна из переписчиц стеснялась задавать вопрос про туалет, считая обсуждение таких вопросов неприличным.

цедурам и норм достаточности информации. В одной из исследованных локаций руководитель администрации рассказывал, что, несмотря на недостачу переписчиков, они справляются, потому что частью переносят в планшеты информацию из домовых книг, частью — научились существенно сокращать время заполнения формы (как в случае реального обхода, так и в случае использования домовых книг). Он не оценивал это как нарушение процедуры, напротив, хвастался, что они подошли к процедурам с умом: «Систему надо знать. Можно дом на двадцать человек за пять минут записать. Каждый сам себе хакер». Наш визит он рассматривал как своеобразный обмен опытом и рассчитывал, что мы сможем подсказать, как еще можно сократить время заполнения форм. Среди переписчиков этой локации сложился ряд правил: не указывать отчества переписываемых, не указывать степени родства (все друг другу должны быть «другая степень родства»), не указывать день и месяц рождения, только год, в вопросах про жилище указывать только тип жилища и др.

В другой локации активно применялась практика переписи посредством тетрадей — переписчики ходили с тетрадями, а затем переносили собранные данные в планшет. Интересно, что и такая «тетрадная» перепись «технологизировалась»: в некоторых тетрадях верхняя строчка на всех страницах, кроме последней, была отрезана, а на последней были выписаны ключевые слова, которые должны были напоминать переписчикам о вопросах, которые нужно задать (например, «родной язык» или «кол-во живущих»). Некоторые переписчики, однако, такие ухищрения не использовали и всякий раз восстанавливали анкету по памяти. Очевидно, что значительная часть информации таким образом терялась, однако это не воспринималось как проблема: «Зачем людям знать, где ты работаешь и где у тебя туалет?». Почему тетрадки использовались вместо планшетов? Переписчики и контролеры указывали как минимум три причины: плохая спутниковая связь, невозможность пожилым переписчикам научиться пользоваться планшетами, страх переписываемых при виде планшета. Однако можно предположить, что главным фактором была большая контролируемость администрацией хода переписи в случае использования «нетехнологичных» методов.

Тем не менее в некоторых локациях перепись проходила в более точном соответствии с инструкциями — переписчики ходили с планшетами и задавали все вопросы. В этих случаях можно предположить, что хотя бы частично это была функция от полевого контроля, однако, что важно, не реального (он отсутствовал), а практически полностью воображенного: никто из переписчиков, контролеров и администраторов не понимал, в чем этот контроль должен и будет состоять, и были версии, что организаторы переписи сверяют геолокации при «отправке» заполненной формы, а также что интервью записываются на аудио или даже снимаются на видео, поскольку в планшете есть камера. В результате всего этого переписные практики существенно варьировались от локации к локации и, по всей видимости, в значительной степени зависели от того, какая установка транслировалась местными руководителями переписи.

Следующее наблюдение состоит в том, что повседневность переписи ее участники часто воспринимали как странную и нелепую. Это связано с тем, что значительная часть переписчиков в исследованных локациях — это сотрудники адми-

нистраций или иных бюджетных учреждений, обслуживающих население: они прекрасно знакомы как с переписываемыми, так и с самой локацией. Надевая жилет и шарф с символикой переписи (как это требовалось) и проходя в этой атрибутике по родным улицам, переписчики чувствовали себя неестественно, но самым странным для них было задавать вопросы, ответы на которые зачастую были им хорошо известны как должностным лицам или соседям. Результатом этого было частью желание редуцировать процедуры, частью — превращение переписной интеракции в ролевую игру.

Переписчица <...> хорошо знает переписываемых и задает все, даже «самые идиотские» вопросы, вплоть до пола. Более того, она лучше знает информацию об этом доме, чем хозяйка, и перепись превращается местами в экзамен, что особенно заметно по особенностям интонации и форме ее вопросов.

Даже в таких случаях, однако, запал играть у переписчиков зачастую быстро сходил на нет (обычно в связи с необходимостью переписывать по одним и тем же вопросам довольно большие домохозяйства), и они переходили в менее энергозатратный режим заполнения переписных листов. В этом режиме они по большей части переставали задавать переписываемым вопросы, заполняя всю информацию исходя из конкретного (о человеке) или фонового (о сообществе) знания. Важно, что заполнение переписного листа «на глазок» не рассматривалось как что-то неправильное, поскольку переписчики в целом были уверены в верности своего фонового знания, вследствие чего в некоторых случаях именно оно и стало преимущественным источником информации, вносимой в переписной лист. В следующих двух ситуациях переписываемые даже не находились в комнате, однако переписчик заполнял переписные листы на основании частью паспортных данных, частью — своих представлений о родном селе:

Переписчик (заполняет образование): 4 класса.

Наблюдатель: Это она тебе сказала?

Переписчик: Нет, логически пришло.

Мы не знали, когда свекровь родила первого ребенка, поэтому в графе «дата рождения первого ребенка» [переписчик] сказала «пишем 1966-й» (дата рождения женщины — 1946); я спросила, почему именно так, на что [переписчик] мне ответила, что все примерно в таком возрасте тут рожают.

В большинстве ситуаций переписываемые присутствовали, впрочем — за исключением коммуникации по поводу «основных» вопросов, — большая часть переписи могла проходить в тишине или же переписчик мог пробалтывать или бубнить себе под нос вопросы и ответы на них. В последнем случае переписываемые могли «выловить» неверно заполняемую информацию, как это сделала одна из переписываемых, которой переписчица пыталась вписать в качестве места рождения республику Дагестан, но, поскольку, во-первых, это было не так, во-вторых, переписчица проговаривала ответы, переписываемая услышала, что

вводится неверная информация, и указала на ошибку. Впрочем, далеко не всегда ошибка исправлялась, даже если переписчик понимал, что допустил ее. Вот один из наиболее одиозных примеров: переписчица случайно указала число членов домохозяйства на единицу больше, чем было на самом деле, но, не разобравшись, как это исправить, сочинила дополнительного человека, ребенка, назвав его Мурад Магомедов и полностью придумав его данные.

Происходившее в ходе переписи можно описать следующим образом. Смысл переписи ускользал от всех ее участников, она не оценивалась как что-то важное ни для самих участников, ни для государства и зачастую, наоборот, рассматривалась как что-то смешное и странное. Одним возможным следствием этого было «облегчение» и «нормализация» процедур, к чему относились и заполнение переписных листов по данным домовых книг, и «тетрадная» перепись. Другим следствием было распространенное переписывание на основании «фоновое знания», а также «халатное» отношение к ошибкам, часть из которых не вылавливалась просто потому, что переписываемые не знали, какие данные про них заполняет переписчик, а часть не исправлялась из-за экономии времени. Именно таков был контекст, в котором происходили переписные взаимодействия, связанные с этничностью.

«У нас как тебе сказали, таким ты и будешь»: «этнические» вопросы в переписи

В разных переписных контекстах этничность «собирается» из разных вопросов [Morning, 2015]. В переписи в Дагестане таковыми являются вопросы про языки и национальность. Фактический порядок этих вопросов в переписном листе следующий: русский язык (владение, использование), прочие языки (владение, использование), родной язык (необходимо его указать), национальность.

Согласно результатам наблюдений, для переписчиков вопросы про родной язык, язык владения (помимо русского) и национальность кажутся дублирующими друг друга. От локации к локации они заявляли, что не понимают, зачем нужны все эти вопросы: «Смотрите, ваш родной язык написано, а потом они еще спрашивают национальность. Это одно и то же. Поэтому меня эти вопросы [утомили]...»; «Сколько вопросов одной национальности только!». Сильнее всего при этом связаны вопросы о национальности и родном языке: и для переписчиков, и для переписываемых родной язык — это язык «национальности», к которой принадлежит переписываемый, при этом уровень владения им не важен: «Родной язык есть, он лезгинский. Просто [переписываемый] его не знает, и все». С учетом того, что в Дагестане большинство знает русский язык, но не считает его родным, а слот «родной язык» по сути «зарезервирован» за языком «национальности», переписчикам (в рамках описанного выше «экономного» режима заполнения переписного листа) бывает достаточно задать вопрос про язык владения помимо русского, а из этого затем выводятся и родной язык, и национальность. Скажем, если переписываемый говорит, что он помимо русского владеет аварским, переписчики уже не видят смысла задавать вопрос про родной язык и автоматически пишут «аварский», а также им понятно, что национальность переписываемого «аварец».

Переписчик: [После того, как спросила про знание русского языка] *Другой язык еще какой?*

Переписываемый: *Аварский, свой.*

Переписчик: *Правильно.* [Заполняет все про национальность и родной язык и бормочет под нос] *Аварский, аварка.* [Обращаясь ко мне] *Копировать это нельзя, сколько заносить придется!*

По всей видимости, ключевым вопросом этого блока для переписчиков выступает именно национальность, то есть атрибутом национальности считается язык, а не наоборот. Этот вывод можно сделать на основании того, как работают те переписчики, которые переписывают сначала в тетради. В большинстве случаев они либо меняют порядок вопросов и размещают национальность первой, либо, для краткости, оставляют ее единственной и вообще не задают вопросов о языках. В такой ситуации затем в качестве родного языка они укажут «язык национальности», он же будет указан в качестве единственного языка, которым владеет переписываемый помимо русского, и, согласно переписи, переписываемый, кроме того, будет пользоваться этим языком в быту. Интересно, что точно такой же принцип используется для переписывания детей, включая младенцев, и, если касательно русского языка возможны варианты и иногда указывается, что русским языком младенец не владеет, в качестве родного языка все равно записывается язык его национальности, которая является атрибутом человека с рождения:

Двухмесячный ребенок тоже был переписан, и было указано, что он владеет русским, использует его в быту, кроме того — владеет кумыкским, кумыкский же — его родной язык, и по национальности ребенок кумык. Это была первая семья, то же провернулось и во второй, где девочка была чуть старше.

Вторым наблюдением оказалось то, что, вопреки статье 26 Конституции РФ, которая цитируется в переписном листе, национальность в абсолютном большинстве исследованных случаев определяется помимо самоопределения переписываемых и членов их домохозяйства и приписывается им почти автоматически. С учетом того, насколько беспроblemной для всех участников переписи была классификация людей по национальностям и насколько эти вопросы, вопреки нашим ожиданиям, не порождали обсуждений и конфликтов, можно было заподозрить четкое классификаторное правило, позволяющее определять национальность человека. Как показали дальнейшие наблюдения, это правило действительно существует, более того, оно оказалось простым и однозначным. Согласно ему, национальность человека определяется по отцу, национальность матери и бабушек в определении национальности не играет роли, равно как национальность не является вопросом самоопределения. Это правило было выведено как из фактического заполнения переписных листов на основании получаемой информации, так и из уточнений в разговорах с переписчиками, которые эксплицитно его проговаривали: «У нас обычно по папе, мамина нация к детям отношения не имеет. Мамина нация вообще нигде отношения не имеет к детям». У этого правила существуют варианты

его использования в неочевидных случаях, когда, например, у ребенка по тем или иным причинам нет отца:

Если отчество ребенку не пишут, если родители рассорились со стороны мужа, они пишут, что отца не существует. В этом случае они дают свое отчество, и в этом случае они сами выбирают нацию ребенка — по нации матери.

Последствием применения этого правила для процедур переписи стало еще большее снижение числа фактически задаваемых вопросов: для того чтобы дать ответы на переписные вопросы про языки и национальность всех членов домохозяйства, достаточно задать вопрос о национальности главы домохозяйства, а также, в случае дотошного заполнения переписного листа, о национальностях жен членов домохозяйства, которые могут отличаться. При этом зачастую все эти вопросы фактически редуцируются до одного: «Лакцы все?» Если переписываемый отвечает «да», переписчик заполняет четыре вопроса (включая факт использования языка в повседневной жизни) на каждого переписываемого, уже ничего не спрашивая.

Иногда фоновое знание дает возможность не задавать и этого дополнительного вопроса. Так, в одном случае переписчица, работавшая с тетрадкой, спросила национальность у пожилой женщины, та ответила, что она «аварка», после чего переписчица записала аварцем и ее сына. На наш вопрос, почему она так сделала, переписчица ответила, что знает это село, и там в поколении, к которому принадлежит переписываемая, выйти замуж за человека из другого села, и, как следствие, другой национальности, было невозможно, а значит — и муж у нее аварец, и, поскольку национальность передается по отцу, их сын тоже аварец.

Очевидно, впрочем, что эти принципы обсуждаются и используются только в тех контекстах, где по тем или иным причинам классификация вызывает затруднения. В селах же, где большинство населения одной национальности, соответствующие вопросы воспринимаются в еще большей степени нелепыми и лишены смысла как переписчиками, так и переписываемыми. В частности, в одной из таких локаций в ответ на вопрос про национальность переписываемые называли одну из прочих дагестанских национальностей, при этом всем участникам взаимодействия было понятно, что это шутка и реакция на навязываемую ролевую игру.

Переписчица рассказывает, что некоторые шутят — говорят, что аварский знают, а национальность — азербайджанец. Шутка работает, потому что всем участникам очевидно, что все вокруг кумыки.

Было зафиксировано и несколько сбоев описываемых правил. Так, в сельской локации одна из невесток на прямой вопрос о национальности ответила, что у нее нет. Выяснить, с чем был связан такой ответ, не удалось — переписываемая ушла до того, как все домохозяйство было переписано. Помимо этого, по всей видимости, идея самоопределения, которая так или иначе заложена в перепись (кроме указания на соответствующую статью конституции, в вопросе про национальность должно указываться, определена ли она самим переписываемым или

восстановлена «со слов» других лиц), может сама по себе задавать коммуникативный контекст и в некоторой степени организовывать представления о роли выбора в определении национальности. Так, два или три раза переписчики, разговаривая со взрослыми членами домохозяйства и дойдя до вопросов про язык и национальность ребенка, задавали их непосредственно ему. До конца сложно понять, был ли это индикатор того, что в дагестанском контексте постепенно находится место самоопределению применительно к «национальному вопросу», или это снова была «ролевая игра» в том виде, в каком она была описана выше. И если в одном из случаев ребенок 12 лет сам дал ответ, который от него ждали, в другом домохозяйстве, где ребенок был младше, коммуникативная ситуация и адресованный ему вопрос использовались для того, чтобы объяснить ему, к какой национальности он на самом деле принадлежит:

Переписчик: Национальный язык какой у тебя? Не знаешь? Кумыкский. [Отмечает и проговаривает] Родной язык — кумыкский. Ты кто по национальности?

Переписываемый: (Играя) Ты кто по нации? Кумык ты.

Мальчик молчит, переписчик, не обращая внимание на реакцию мальчика на эти вопросы и на реакцию отца, записывает его кумыком.

Сложно сказать, что бы было, если бы ребенок дал «неправильный» ответ. Чтобы смоделировать эту ситуацию, в одном из домохозяйств переписчику и переписываемым (их было несколько) мы показали ролик на YouTube, в котором девочка четырех-пяти лет с «монголоидным» разрезом глаз доказывает своей старшей родственнице, что она не бурятка, а русская⁶, а та, напротив, утверждает, что девочка — бурятка. Реакция всех взрослых, присутствующих при демонстрации ролика (помимо умиления), была однозначна: «Нет, такого у нас быть не может, у нас как тебе сказали, так и будет, таким ты и будешь».

Впрочем, был более серьезный сбой в работе описываемого правила в той его части, которая связывает родной язык и национальность. Одна из переписчиц рассказала, что в ходе работы ей попалась семья, где отец лезгин, а мама — аварка, при этом дети много времени проводили в родном семье матери и общались с бабушкой — в результате лезгинского языка не знали вообще, а аварский знали хорошо. В этой ситуации переписчица не стала заполнять графу «родной язык», оставив это на усмотрение своих руководителей. Те, однако, велели ей указать «лезгинский» в качестве их родного языка, то есть фактически отослали ее к правилу. Таким образом, можно сделать вывод, что правила действуют довольно универсально, и на собранном материале вряд ли уместно говорить о переходе к иным способам определения национальности или иным концепциям «родного языка», однако определенные направления, в какую сторону это может меняться (самоопределение, фактическое использование языка), материал задает.

Третье по счету (но не по важности) наблюдение состоит в том, что «этнические» вопросы в переписи почти никогда не воспринимаются как сколько-нибудь значимые. Ни в одном из случаев вопрос национальности или языка не становился

⁶ Я русская!) // YouTube. 2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=sle9yUZn2-M&ab_channel=JesterKing (дата обращения: 27.12.2021).

поводом для спора между переписчиком и переписываемым, равно как не было вербальных или невербальных признаков, что эти вопросы важны для тех или других. Напротив, переписываемые «оживлялись», когда речь заходила о характеристиках жилища или о доходах — по всей видимости, эти вопросы по разным причинам казались им чувствительными. «Этнические» же вопросы заполнялись «на бегу» и «на глазок» в том числе потому, что «все и так понятно». Так, один из переписчиков объяснял, что в селе, где он работает, все или кумыки, или даргинцы, и, если он обращается по-кумыкски, а ему не отвечают, он автоматически указывает «даргинец» в качестве национальности переписываемого и его домочадцев, и «даргинский» — в качестве национального языка. При нас, однако, его способ определения национальности дал сбой: начав заполнять анкету соответствующим образом и проговаривая предположительные национальность и язык переписываемой себе под нос, а затем все-таки решив (в утвердительной, впрочем, форме) уточнить ее национальность, он столкнулся с тем, что та возразила и сказала, что она «лачка». Здесь он исправился, но в еще ряде исследованных взаимодействий национальность переписываемого и членов его домохозяйства так и осталась неизвестной и заполненной исходя из общих соображений. Более того, когда между визитами в дома мы задавали переписчикам вопросы про национальности, они удивлялись нашему интересу именно к этой теме, потому что для них этнические классификации были частью понятны и «естественны», частью не важны. Следствием этого была типичная коммуникативная ситуация, в рамках которой заполнялись соответствующие графы — переписчик пробалтывает предположительно правильные ответы, а переписываемый вполуха следит за тем, какие выводы про него делает переписчик, иногда исправляя, если тот где-то ошибается, а иногда и пропуская ошибки.

Редким исключением из этого правила стала ситуация в одной из локаций, когда молодой переписчик, вопреки тому, какой ответ ему дали на соответствующий вопрос, в качестве национальности переписываемого указал другую, более того, сделал это, по всей видимости, исходя из циркулировавшей перед переписью установкой, данной этническими организациями, — разными способами увеличить численность представителей соответствующей национальности в переписи. Впрочем, когда ему был задан прямой вопрос, зачем он это делает, он сказал, что ему так велели делать, но вообще это совершенно не важно и «национальный вопрос никому не интересен». Информация, полученная от переписчиков из других сел, говорит о том, что представители именно этой национальности действительно в целом чуть внимательнее относились к тому, чтобы их «правильно» переписали. Вероятно, упомянутая установка в некоторой степени была считана населением, но, представляется, существенного на ход переписи она не повлияла.

Подводя итог, можно указать на два ключевых результата, полученных на основании наблюдений за взаимодействиями вокруг «этнических вопросов»:

- 1) существует четкий порядок, классифицирующий людей по национальностям, а также атрибутирующий им «родной язык»;
- 2) за редким исключением эти вопросы очевидно менее важны, чем прочие вопросы переписи (тоже, впрочем, не очень важные), и заполняются на пересечении желания переписчиков ускорить процесс и не делать бессмысленную, по их

мнению, работу, состоящую в заполнении ответов на три «одинаковых» вопроса, и невнимания переписываемых к «этнической» теме.

Дискуссия и выводы

Наблюдение за процедурами переписи позволило обнаружить несколько важных моментов. Прежде всего это непонимание смысла переписных процедур для большинства ее участников. В этой связи, вероятно, «добросовестность» муниципалитета в том, что касается следования процедурам переписи, — это функция от общей бюрократической управляемости этого муниципалитета, то есть установки ответственных лиц на работу в максимальном соответствии со спускаемыми сверху лекалами и способности организовать эту работу. По всей видимости, значительная часть «проблем» с переписью обусловлена тем, что центр недостаточно четко объяснил всем участникам переписи ее смысл. Этот вывод соответствует мнениям, высказанным в аналитических материалах, созданных по результатам переписи⁷.

В случае «этнических» вопросов кризис смысла переписи оказывается контекстом для другого кризиса смысла, связанного с современным бытованием советских дагестанских национальностей. В последние годы в Дагестане появились контексты, в которых национальные классификации потеряли значимость или даже стали порицаться, а на смену «возрождению национальностей» конца 1980-х — начала 1990-х годов, бывшего следствием надвигавшегося, а затем произошедшего распада Советского Союза, по всей видимости, постепенно приходит их закат. Контрастирует с этим, однако, жесткое классификаторное правило, раз за разом воспроизводящееся в переписных взаимодействиях и проговариваемое переписчиками, согласно которому национальность передается по отцу, а родной язык — это язык, связанный с национальностью. Оба элемента этого правила дают обширную пищу для размышлений. Связь языка и национальности отсылает к так называемой проблеме атрибутов, состоящей в том, что, хотя для этнических классификаций от контекста к контексту используется конечный набор классификаторных признаков, фактический их набор может быть очень разным, и при традиционном многоязычии Дагестана только один — и строго определенный — язык оказался классифицирован в качестве «естественного» индикатора принадлежности к национальности.

Интереснее, впрочем, ситуация с правилом классификации, согласно которому национальность передается по отцу. Дело в том, что примордиалистская иллюзия извечности этнических групп — это функция от правил принадлежности к категориям, которая в универсальном случае связана с тем, к каким категориям принадлежат родители (один или оба) [Chandra, 2006; Chandra, 2012]. За счет универсальности этого правила этнические контексты воспроизводятся через поколения, и на некоторой территории веками могут жить, рождаясь и умирая,

⁷ Юрасова Т. Россия не застали дома // Новая Газета. 2021. 16 ноября. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/16/rossiiu-ne-zastali-doma?fbclid=IwAR00rT_i1UIFe-yRoYhONu0AofQFRqNatQHGbIsQBvnoyVtf-5vlzd zXn8PY (дата обращения: 26.12.2021); Захаров С., Чурилова Е. Участие Россиян в переписи // Левада-центр. 2021. 21 декабря. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi> (дата обращения: 26.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранного агента»).

представители одних и тех же категорий. Но в этой связи встает вопрос о том, как объектом такой иллюзии становятся классификаторные системы, введенные сверху и недавно. Общеизвестно, что государства модерна создают машинерию классификации населения, в том числе этнической. Последнее в особенности касается колониальных контекстов [Appadurai, 1993; Anderson, 2006]. Классификаторная система, введенная в Дагестане в 1920-х, использовав в качестве «материала» уже существовавшие категории [Тишков, Кисриев, 2007], переинтерпретировала их в популярной на тот момент «национальной» парадигме и рядоположила друг другу. Если первое время уровень идентификации с теми или иными категориями был невысок, то в результате наличия «пятой графы» в паспорте и «национальных» квот для поступления в университеты, опыта депортаций по «национальному» признаку и проч. со временем «советские национальности» стали важным объектом идентификации рядовых дагестанцев. Вопрос в том, откуда — притом что категории в том виде, в каком они были интерпретированы советской властью, были новыми, — в Дагестане появилось жесткое правило определять национальность по отцу. Представляется, что это проекция уже существовавших на тот момент правил социальных классификаций, которые определяли принадлежность человека к аналогичным «национальностям», социальным множествам. Релевантных классификаторных оснований на в Дагестане было несколько, и среди них центральную роль играли тухум и джамаат. Как следует из антропологической литературы [Косвен, 1963; Хашаев, 2007], множества, описываемые этими терминами, во многом накладывались друг на друга: джамаат мог состоять из нескольких тухумов, и, в свою очередь, от тухума-джамаата мог отделиться новый тухум-джамаат. Тухум был патрилокальной, патрилинейной организацией, то есть членство в нем передавалось по мужской линии, женщины — за счет брака — переходили в другой тухум. Литература по-разному оценивает «сохранность» тухума как основы экономической и социальной жизни в конце XIX — начале XX века в связи с государственностью, существовавшей на территории Дагестана в разной форме, — наряду с феодальными государствами сохранялись и так называемые вольные общества, которые, по всей видимости, по большей части были организованы на «тухумных» основаниях. Впрочем, как бы ни была оценена степень «разложения» системы тухумов на начало XX века, в той или иной форме она регулировала отношения и, по всей видимости, представления о членстве в тухумах, а также о принципах передачи этого членства, сохранившиеся к приходу советской власти в довольно четком виде. Именно на эти представления наложилась система советских национальностей. Очевидно, что Москва не давала директив, согласно которым принадлежность к национальности определяется по отцу, однако на региональном — дагестанском — уровне это было считано именно таким образом, при этом речь могла идти как о простых людях, так и о чиновниках и государственных работниках всех уровней, включая паспортистов и сотрудников роддомов. В результате довольно быстро правило, «заимствованное» из родовой, тухумной, системы, закрепилось и стало регулировать принадлежность к национальностям.

Чем эти соображения важны для современной теории этничности? Находясь в основании примордиалистского и эссенциалистского взгляда на мир, правило принадлежности к этническим категориям странным образом оказалось слепым

пятном конструктивистских исследований этничности. Несмотря на то, что правила родства — одна из ключевых тем антропологии, в литературе, посвященной этничности в неантропологических контекстах, единственное релевантное — это небольшое количество статей за авторством одних и тех же людей, где на материалах интервью обсуждается, как определяется этническая принадлежность детей в «смешанных» браках [Caballero, Edwards, Puthussery, 2008; Edwards, Caballero, Puthussery, 2010]. Между тем внимание к антропологическим корням механизмов поддержания современных классификаторных систем, то есть некоторым социальным фактам из прошлого, «проросшим» в современных обществах в том числе через принципы наследования принадлежности к категории, позволит приблизиться к ответу на вопрос о причинах почти универсальной релевантности этничности. Такие исследования, однако, требуют частью более серьезной дескрипции правил принадлежности к категориям в разных контекстах, частью — теоретической контекстуализации этого вопроса разной литературой, включая, например, посвященную эволюции институтов. Для начала нужно проверить, насколько патрилинейность в определении принадлежности к национальности является дагестанской универсалией (здесь особое внимание следует уделить горско-еврейским джамаатам), а также понять, что с этим правилом происходит в тех ситуациях, в которых национальности предположительно иррелевантизируются — в смешанных городах и в исламских контекстах. Этому предполагается посвятить дальнейшие эмпирические исследования.

Возвращаясь к основным выводам по результатам исследования, следует отметить, что этнические вопросы попадают в «двойную ловушку» бессмысленности. С одной стороны, статус и прагматика этнических категорий в современном Дагестане далеко не очевидны, с другой — слабо осмысленной для всех участников является и перепись, притом что она оказывается одной из важных форм воспроизводства этничности. Проговаривание своей этнической принадлежности в очевидно иррелевантном контексте, как можно предположить, способствует процессу дальнейшей иррелевантизации этничности. Несмотря на все это, правила, согласно которым этничность и ее атрибуты определяются применительно к отдельным индивидам, четкие и универсальные: национальность передается по отцу и никогда — по матери. Жесткость этих правил и их содержание позволяют предположить, что советская классификация национальностей, пришедшая в Дагестан с советской властью, была интерпретирована местным населением через призму отживавших свое тухумов. Это, в свою очередь, позволяет поднять вопрос о корнях современных форм существования этничности и посмотреть на этничность в более широком историческом ключе через призму конструктивистских теорий, предполагающих, что этничность отличает от прочих социальных классификаций особое правило членства в этнических категориях.

Список литературы (References)

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
Kosven M. O. (1963) Family Community and Patronymy. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Картавец В. В., Галиева Н. И., Вьюговская Е. В. Методический аудит массового опроса. М.: Изд-во «Дело», 2016.

Rogozin D. M., Kartavtsev V. V., Galieva N. I., Vyugovskaya E. V. (2016) Methodical Audit of Mass Survey. Moscow: Publishing House “Delo”. (In Russ.)

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Tishkov V. A. (2003) Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96—115.

Tishkov V. A., Kisriev E. F. (2007) Multiple Identities between Theory and Politics (the Case of Dagestan). *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 5. P. 96—115. (In Russ.)

Хашаев Х.-М. Законы вольных обществ XVII—XIX вв. Махачкала: Эпоха, 2007.

Khashaev H.-M. (2007) The Laws of Free Societies of the XVII—XIX Centuries. Makhachkala: Epokha. (In Russ.)

Этнография переписи — 2002 / под ред. Филипповой Е. И., Ареля Д., Гусеф К. М.: Авиаиздат, 2003.

Filippova E., Arel D., Gousseff C. (eds.) (2003) Ethnography of the Census — 2002. Moscow: Aviaizdat. (In Russ.)

Abramson D. (2001) Identity Counts: The Soviet Legacy and the Census in Uzbekistan. In: Kertzer D., Arel D. (eds.) *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses (New Perspectives on Anthropological and Social Demography)*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 176—201. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606045.008>.

Alonso W., Starr P. (eds.) (1987) The Politics of Numbers. New York, NY: Russell Sage Foundation.

Anderson B. (2006) Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London; New York: Verso.

Appadurai A. (1993) Number in the Colonial Imagination. In: Breckenridge C., van der Veer, P. (eds.) *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. P. 314—339.

Blum A., Gousseff C. (1997) Nationalité, Groupes Ethniques, Peuples: La Représentation des Nationalités en Russie. In: Rallu J.-L., Courbage Y., Piché V. (eds.) *Old and New Minorities / Anciennes et Nouvelles Minorités*. Paris: Editions John Libbey. P. 49—72.

Caballero C., Puthussery S., Edwards R. (2008) Parenting ‘Mixed’ Children: Negotiating Difference and Belonging in Mixed Race, Ethnicity and Faith Families. York: The Joseph Rowntree Foundation.

Chandra K. (2006) What is Ethnic Identity and Does it Matter? *Annual Review of Political Science*. Vol. 9. P. 397—424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>.

- Chandra K. (ed.) (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001>.
- Choldin H. M. (1986) Statistics and Politics: The “Hispanic Issue” in the 1980 Census. *Demography*. Vol. 23. No. 3. P. 403—418. <https://doi.org/10.2307/2061438>.
- Cohn B. S. (1984) The Census, Social Structure and Objectification in South Asia in Culture and History of India. *Folk*. No. 26. P. 25—49.
- Darden J., Jones L., Price J. (1991) Ethnographic Evaluation of the Behavioral Causes of Undercount in a Black Ghetto of Flint, Michigan. *Ethnographic Evaluation of the 1990 Census, Report #24*. Prepared under Joint Statistical Agreement with the Bureau of the Census. Washington, DC: Bureau of the Census.
- Edwards R., Caballero C., Puthussery S. (2010) Parenting Children from ‘Mixed’ Racial Ethnic and Faith Backgrounds: Typifications of Difference and Belonging. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 33. No. 6. P. 949—967. <https://doi.org/10.1080/01419870903318185>.
- Ferrando O. (2008) Manipulating the Census: Ethnic Minorities in the Nationalizing States of Central Asia. *Nationalities Papers*. Vol. 36. No. 3. P. 489—520. <https://doi.org/10.1080/00905990802080737>.
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithica, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.1017/S0090599200011491>.
- Hirschman C. (1987) The Meaning and Measurement of Ethnicity in Malaysia: An Analysis of Census Classifications. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 46. No. 3. P. 555—582. <https://doi.org/10.2307/2056899>.
- Houtkoop-Steenstra H. (2000) *Interaction and the Standardized Survey Interview: The Living Questionnaire*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511489457>.
- Kertzer D., Arel D. (eds.) (2001) *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses (New Perspectives on Anthropological and Social Demography)*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511606045>.
- Kukutai T., Thompson V. (2015) ‘Inside Out’: The Politics of Enumerating the Nation by Ethnicity. In: Simon P., Piché V., Gagnon A. A. (eds.) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. P. 39—61.
- Lee S. M. (1993) Racial Classifications in the US Census: 1890—1990. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 75—94. <https://doi.org/10.1080/01419870.1993.9993773>.
- Morning A. (2015) Ethnic Classification in Global Perspective: A Cross-National Survey of the 2000 Census Round. In: Simon P., Piché V., Gagnon A. A. (eds.) *Social Statistics*

and *Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. P. 17—37.

Petersen W. (1987) Politics and the Measurement of Ethnicity. In: Alonso W., Starr, P. (eds.) *The Politics of Numbers*. Russell Sage Foundation. P. 187—234.

Rallu J.-L., Piché V., Simon P. (2006) Demography and Ethnicity: An Ambiguous Relationship. In: Caselli G., Vallin J., Wunsch G. (eds.) *Demography: Analysis and Synthesis. A Treatise in Population Studies*. Burlington, MA: Elsevier Academic Press. P. 531—549.

Romero M., De la Puente M. (1992) Ethnographic Evaluation of Behavioral Causes of Census Undercount of Undocumented Immigrants and Salvadorans [sic] in the Mission District of San Francisco, California: Final Report for Joint Statistical Agreement 88—41. Washington, DC: Center for Survey Methods Research, Bureau of the Census.

Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1978) A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*. Vol. 50. No. 4. P. 696—735. <http://dx.doi.org/10.2307/412243>.

Schaeffer N. C. (2021) Interaction Before and During the Survey Interview: Insights from Conversation Analysis. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 24. No. 2. P. 181—202. <https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1824626>.

Schwede L. (2008) Using Multiple Data Sources to Identify Types and Sources of Coverage Error on an Indian Reservation. Presented at the JSM Annual Meetings in Denver. In: *JSM Proceedings, Section on Survey Research Methods*. Alexandria, VA: American Statistical Association. P. 2485—2492.

Simon P., Piché V., Gagnon A. A. (eds.) (2015) *Social Statistics and Ethnic Diversity: Cross-National Perspectives in Classifications and Identity Politics*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-20095-8>.

Terry R. L., Schwede L., King R., Martinez M., Childs J. H. (2017) Exploring Inconsistent Counts of Racial/Ethnic Minorities in a 2010 Census Ethnographic Evaluation. *Bulletin of Sociological Methodology/Bulletin de Méthodologie Sociologique*. Vol. 135. No. 1. P. 32—49. <https://doi.org/10.1177/0759106317710849>.

Tishkov V. (2005) The Population Census and the Construction of Identity. *Anthropology & Archeology of Eurasia*. Vol. 44. No. 2. P. 10—40. <https://doi.org/10.1080/10611959.2005.11029024>.

Urla J. (1993) Cultural Politics in an Age of Statistics: Numbers, Nations, and the Making of Basque Identity. *American Ethnologist*. Vol. 20. No. 4. P. 818—843.

Valentine C. A., Valentine B. L. (1971) *Missing Men: A Comparative Methodological Study of Underenumeration and Related Problems*. Contract No. 1510. Washington, DC: U. S. Bureau of the Census.

White P., Badets J., Renaud V. (1993) Measuring Ethnicity in Canadian Censuses. In: Goldman G., McKenny N. (eds.) *Challenges of Measuring an Ethnic World: Science,*

Politics, and Reality. Proceedings of the Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity, April 1—3, 1992. Ottawa: Statistics Canada; Washington, DC: U. S. Dept. of Commerce, Economics and Statistics Administration, Bureau of the Census. P. 223—269.

Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks.* New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001>.